

Дмитрий КОРЖОВ

г. Мурманск

Когда мне говорили, что Куба – это рай на земле, я не верил. Какой еще рай коммунистический в наше-то беспутное и мрачное время, среди кризисов, войн и революций?

Однако, когда попадаешь на остров Свободы, с первых шагов понимаешь, что сказанное выше – правда, без преувеличений.

Рай! Живой. Настоящий.

Своеобразный, конечно, но все же...

И удивительная (особенно для северянина) природа, и климат с его бесконечно ласковым солнцем и бескрайним, всегда теплым океаном, и города, что вместили и конкистадоров, и рабовладельцев, и пиратов, и революционеров-романтиков последнего призыва.

И люди, свободные и красивые...

Ром и сигары, опять же, как без них?

Куба – рядом

«Куба – далека, Куба – далека, Куба – рядом, Куба – рядом!» – так когда-то мы пели. При всей внешней противоречивости формула эта, в общем, была близка к истине. После визита Фиделя в СССР в начале шестидесятых долгое время не имелось у Кубы друга ближе и влиятельней, чем Советская Россия. Мы поставляли на остров Свободы автомашины и другую технику, они снабжали Союз сахаром и всяческой мелочью, в основном фруктовой. С детских лет помню кубинский апельсиновый сок... Кубинцы учились у нас, наши, в первую очередь военные и моряки, частенько бывали на самом большом острове Карибского моря. Русский язык кубинские мальчики и девочки учили в школе – все, без исключения. Отзвук тех лет до сих пор звучит на улицах Гаваны и других местных городов. Тут по сию пору, хоть и не столь уж мы близки, как когда-то, многие говорят по-русски. В первую очередь, конечно, те, кто окончили советские вузы. В основном, артисты, военные. И не только в Москве и Питере.

Первый наш гид и переводчик – Франк, как оказалось, выпускник Киевского высшего военно-политического училища. Следующий – Орландо – учился в Кременчуге, в училище гражданской авиации. Еще один переводчик – Роман – бывший спортсмен, борец-классик, правда, учился в столице, в институте физкультуры и спорта. Встреч со знающими русский было множество, подчас абсолютно случайных. В первой же книжной лавке в Гаване, где мы неожиданно обнаружили немало наших книг на испанском (одной только «Петровки, 38» Юлиана Семенова имелось три – в разных изданиях!), разговорились с выпускником МИСИ, инженером-строителем. А в Тринидаде – древнем, полукOLONIALном, живущем в еще испанскими завоевателями построенных домах, по-русски с нами заговорил юноша, что учил великий и могучий в школе. Антонио – так его звали – изъяснялся по-русски весьма сносно. С его помощью пытался продать нам сигары. Цели не достиг, но мы лишний раз убедились, что на уроках русского языка кубинцев в свое время вымуштровали изрядно, крепко, со знанием дела.

Нас с Юдковым (именно с журналистом ТВ-21 и давним моим товарищем гостили мы эти две недели в самой экзотической стране победившего социализма), правда, без конца принимали за французов. Или за итальянцев. Но когда узнавали, что мы из России, искренне радовались.

– О, Русия! Советский Союз. Очень хорошо...

Знаки нашей близости до сих пор сохранились

и в центральных городах, и в кубинской глубинке. Один из наших гидов-переводчиков – миляганегр Барбаро, развлекавший нас по дороге песнями «Ласкового мая», которые помнит наизусть со времен своей срочной службы на советской Украине, с восторгом демонстрировал почетное звание, написанное на стене одного из самых успешных совхозов Кубинщины – Владимира Ильича Ленина.

Барбаро, к слову, не уgomонился. В самом конце экскурсии прочел собственные стихи... на русском языке! Бесцеремонно ссылаясь на то, что в России у него предок имеется – Саша Пушкин.

Вот так. А кто-то говорит, мол, Куба от нас сегодня безнадежно далеко...

Счастливые нищие

Кубинцы... Нет, в первую очередь кубинки. Самое главное, что бросается в глаза, за счет чего понимаешь, ты – не дома, парень, это цвет кожи. Он у жителей Кубы может быть каким угодно: от лилового до молочно-белого. Как я написал в стихах про Малекон: «И девки любых расцветок». Истинная правда. Особенно хороши и привлекательны креолки – потомки испанских конкистадоров и местных аборигенок почти всегда красивы. Как сказал один из наших русских соседей по отелю:

– Дима, креолки если не красивы, то очень красивы!

Я с ним, в общем, не спорил. Куда уж тут.

Кубинки пленительны. Не все, но почти все. Ходят по улицам без сумок. Легкие, быстрые, пластичные. Руки почти всегда свободны, может, поэтому так они быстры и увлекательны. Еще – доверчивы и склонны к приключениям.

Помню, как шли мы по ночной Гаване, в самом что ни на есть воровском районе Ведадо, что неподалеку от знаменитой набережной, от Малекона. Иностранцев вокруг – никого. Два часа ночи, как-никак... И слышим вопрос в спину по-английски:

– А вы откуда, ребята?

Стоит негритянка лет семнадцати, смотрит с любопытством. Спросила и отошла к колонне, оперлась спиной на нее. Скромненько так стоит – сморит.

– Русия... – отвечаем.

Откликается почти удивленно:

– О, Русия!

– Ду ю спик инглиш?

Но по-английски она, как и подавляющее большинство кубинцев, с кем довелось общаться, не говорила:

– Но энтъендо. Абло эн эспаньоль...

Вот и мы «но энтендемос», но уже «эн эспаньоль». О чем и тогда, и позже жалели многократно...

Но я отвлекся. Кубинцы – народ доброжелательный, незлобивый. Главное занятие – сидеть дома или на крылечке рядом с ним и глазеть на прохожих. Все без исключения поют и пляшут. Все разговорчивы до невероятия и приставучи до жути. Живут в нищете, порой – ужасающей. Но при этом, удивительное дело, абсолютно счастливы. Им хорошо. И они, в том числе в силу природной лени, ничего большего не хотят. Не напрягаются. Совсем.

Занятно – у одного из знакомых кубинцев, не скрывавшего того, что не слишком-то мил его сердцу кастровский социализм, я спросил:

– А что ж не уедете? Штаты-то рядом. И уехать можно при желании. Не шестидесятые же...

Тот удивился:

– А зачем? Там же работать надо... А здесь у меня и без этого все есть.

Да, и в этом смысле Куба – рай. Помереть не дадут в любом случае. Минимум продуктов каждый местный житель получает по талонам – за копейки. Теплая одежда и дома с толстыми стенами опять-таки островитянам ни к чему. Средняя температура воздуха на Кубе плюс 25! В общем, живи – не хочи. Не удивительно, что кубинцы все поют да танцуют. Вольно им при таком-то раскладе...

Смотришь на них – легких и беззаботных – и с особой очевидностью понимаешь: нет, не в деньгах счастье. В чем-то другом, неуловимом, как сигарный дым, и горячем, как вода Атлантического океана.

С ленью и нежеланием напрягаться, думаю, связано одно из основных воспоминаний о Кубе, может быть, главное. Чувство безопасности. Да, да. Здесь можно не опасаться за свою жизнь. Даже в самых значных местах. Даже в Гаване, где случайному прохожему путь освещают разве что машины, их дальний свет. И все. В остальном – почти полная темнота. И в этой темноте (вот ведь безусловная редкость для России) никого не убивают.

Она – разная

Не Гаваной единой, конечно. Попутешествовать удалось за эти две недели изрядно. Особенно запомнилась поездка на юг – к Карибскому морю, через такую разную Кубу: через революционную, с мемориалом Че Гевары, Санта-Клару, испанский, со следами колониального величия Тринидад и почти французский Сьенфуэгос.

Тринидад основан в начале XVI века еще конкистадорами. Узенькие улочки, старинные дома, в основном XVIII века, чудесная главная площадь – Майор, множество музеев самых разных. Длинная каменная лестница – бывший невольничий рынок, где когда-то стояли рядками чернокожие рабы, а мимо шли покупатели – осматривали, выбирали товар. Двухэтажный особняк мэра города, откуда с балкона открывается замечательный вид на главную площадь. Когда-то вокруг вольготно располагались плантации сахарного тростника. Сейчас же народ живет попрощайничеством да продажей копеечных сувениров. Еще, традиционно, – сигарами...

Забираемся в горы чуть поодаль от Тринидада. Там – национальный парк. Потрясающий воздух, покой, плантации кофе, пещеры и водопады. До парка добираемся уже не на туристическом автобусе, а на наших армейских «ЗИЛах» – ох, круты местные стежки-дорожки. К слову сказать, советские машины – одна из неперенных деталей современной Кубы: наши «Лады» и «Москвичи» там повсюду наравне с американскими лимузинами пятидесятих годов, эпохи больших автомобилей – «кадиллаками» и «крайслерами». Что говорить, нет-нет, да и «форд» гангстерский мимо прошмыгнет из совсем уж ветхозаветных тридцатых.

– Откуда запчасти берете? – спросил как-то одно из кубинцев.

Тот засмеялся в ответ:

– У нас токари хорошие!

Сейчас вот, говорят, на Кубе разрешили покупать автомобили. Боюсь, если начнется их активная рыночная продажа, такого изобилия автораритетов в будущем мы здесь уже не встретим. Все уйдет в какие-нибудь частные музеи и музейчики богатеньких коллекционеров из Штатов или Западной Европы.

Прости, океан

Он – ласковый и горячий. Волн почти нет. Неоглядная лазурь вокруг – на тысячи миль и – почти полное безветрие. И он. Огромный и добрый. Вошел в его горячую, абсолютно (до дна!) прозрачную гладь, и невольно вспомнилась строчка одного хорошего нашего поэта: «Прости, океан, я готовился к бою...» Да уж. Как не готовиться? Нам, детям северных морей, и странно, и непонятно – как это так: вроде бы бескрайний, а войдешь в воду – словно в горячей, уютной и комфортной ванне оказываешься. Могучий, но волны, если и есть, то непременно – аккуратные, человека принимают

Пионеры Кубы

бережно, внимательно, почти по-отцовски... А на дне-то мелкий-мелкий белый песок главного курорта Кубы – Варадеро – узкой косы, уходящей в Атлантический океан на двадцать два километра.

Находиться в океане можно часами, что с удовольствием, привычно делают кубинцы. Они не плавают – уходят в воду семьей или случайной компанией, обычно в сопровождении бутылки рома, и там благословенно, за рюмочкой и хорошим разговором, проводят время.

Что говорить, я в океане даже стихи сочинял. Очень удобно – отошел дальше, ближе к глубине, и – пиши себе, никто не помешает... Получалось (интересно, что я не писал полгода, но на Кубе вспомнил, что – поэт: стихи пошли косяком, едва ли не по стихотворению в день, обстановка располагала; некоторые из написанных на острове Свободы вещей стали частью этого очерка).

Ночной океан – тот, что мы видели в Гаване, иной. На все том же Малеконе подойдешь к парапету, глянешь вдаль... Ощущения – космические. Черное бездонное пространство впереди напоминает живое существо, некий изменчивый организм. Словно какой-то мировой разум, нечто вроде киношного соляриса смотрит на тебя, следит неустанно. Не ты за ним, он – за тобой!

А на парапете Малекона – главном месте встреч и свиданий кубинской столицы – своя жизнь. Здесь ночь – главное время суток:

*Из старой Гаваны – на Малекон,
По набережной – к парапету,
Где песни, и смех,
и гитарный звон,
И девки любых расцветок.*

*Вот где Гавана даёт добро
На секс и любовь без правил –
Такие люди, такая кровь,
Их и Фидель не исправил.*

*«Ну что, мучача,
пойдем со мной –
Сплетаться
телами-волнами?...» –
Раскрытое в мир океана окно
Следит равнодушно за нами.*

*Не спит океана
бездонная тьма,
Все знает, всё видит и слышит.
Как будто бы
это природа сама.
А может, и то, что выше...*

Сигара – дама со вкусом

На Кубе чудес много. Но главное, пожалуй, сигара. По сути, живой символ острова Свободы.

Даже и не думал, что так пробыют меня – никогда прежде не курившего – эти штуки в красивых гильзах и без оных. Иные – с историей, как те же «Ромео и Джульетта», без которых, говорят, не представлял жизни матерый британский аристократ и антибольшевик Уинстон Черчилль. Хорошо его понимаю...

Как и Че Гевару с его любовью к «монтекристо». Эта марка сигар, к слову, штука довольно бронированная. Крепкие, заразы. Так вот Геваре, хроническому астматику, врачи разрешили курить только одну сигару в день. И что вы думаете – кубинские умельцы для него сделали специальные – длиннющие.

Сигары на Кубе предлагают едва ли не везде, даже на пляже – естественно, без сертификата качества. Стоят такие, без штампа, примерно по десятке рублей за штуку, но можно сторговаться и подешевле – торг здесь очень даже уместен. Настоящие, заводские, со всеми надлежащими бумагами, разумеется, дороже. Те же «Ромео и Джульетта», столь милые сердцу сэра и пэра Уинстона Черчилля, по 150 рубликов за экземпляр. Бывают и дороже... Но, доложу я вам, они того стоят, безусловно.

Помню, когда впервые попробовал сигару – уже ближе к концу наших кубинских кочевий, в очередной раз снесло крышу – начисто. Курил, шалея и радуясь. Так это было волшебно – и сладко, и горько. Прямо как любовь. После второй я просто «поплыл», ушел в сигарный облак, как ежик в кумар. Ощущения непередаваемые, запредельные!

Сигара не терпит суеты. Она, как женщина, привередлива – требует внимания, ухаживаний долгих и вкрадчивых. Никакой спешки – степенно, вдумчиво, с настроением. Это вам не пошленькая сигаретка, фьють – и нет ее, сигара – дама со вкусом. У каждой – свой. На ходу с ней не пообщаешься, все нужно делать степенно, основательно, с трепетом. Гильотинкой остренькой кончик аккуратно отсечь-отнять, прикурить не топясь и – в путь-дорогу, вслед за ее дымом – неуследимым, неуловимым...

После с чувством выкуренной второй кончик языка становится горько-сладким, даже начинает чуть-чуть, самую малость, болеть. Вот в этот момент очень хорошо – немножко рома. Не белого, или, как говорят здесь, бланко – он хорош только в коктейлях. Только темный. Нэгро! Нэгро! «Гавана клуб» или «Сантьяго-де-Куба». Потом можно и поговорить. Или даже стихи почитать... Про сигару, например:

*Она совсем как человек,
И льдом, и пламенем ученый,
И столь же краток ее век,
С огнем и сталью обрученный...*

Веселый мачо с кольцом

Че Гевара... Улыбчивый красавец, авантюрист и революционер. Символ свободы, лихой мужской судьбы – со всеми ее непреложными обстоятельствами: женщинами, войной, победой и – ранней смертью. Фигура для Кубы, да, пожалуй, и для все-

го мира, культовая. Один из лидеров кубинской революции, один из ближайших друзей и соратников Фиделя и Рауля Кастро. Веселый, белозубый мачо из Аргентины, после победы барбудос («бородатые» – именно так привыкли звать во всем мире партизан Фиделя, такими они в реальности были – пока воевали, не брились) стал президентом Национального банка, а затем министром промышленности Кубы. Вроде бы живи и радуйся: высокая должность, неоглядная харизма, а с ней и всенародная любовь. Ну что еще нужно? Но унылое житье-бытье советского чиновника бунтарю и природному вожаку Че быстро наскучило. Он уехал опять же под революционным флагом – за тридевять земель, в африканское Конго. Не срослось – вернулся поближе к родным пенатам, в Боливию. Но и там удача его не

жаловала – погиб в местных болотах, не дожив и до сорока...

Какой же он красивый на снимке Роберто Саласа, главного фотографа кубинской революции! Таким, говорят, был и в жизни.

Несколько пугает распродажа его звонкого, достойного имени, – она уже и на острове Свободы идет повсеместно. Однако мемориал в Санта-Кларе, где упокоен сам команданте и его товарищи по боливийскому несчастью, поразила сдержанностью и

простотой. Без помпы – все очень строго, по-солдатски. Таков и музей Че, что находится рядышком: личные вещи, оружие, документы, фотографии. Последние – просто золото, редчайшие!

Раритетные снимки из походной жизни. Включая, к примеру, снимок, на котором Че собственноручно рвет зуб приборешему компаньеро. Другой барбудос сидит у болезного на плечах, а Гевара орудует у того во рту. Кто не знает, он по врачебной специализации был врач-стоматолог. Нигде ничего подобного не видел. И долго еще не увижу. Потому как фотографировать в музее нельзя – неприлично. Только вокруг, где знаменитый памятник – тот, что изображен на местной трешке конвертируемых песо...

Курильщики сигар

*Барбудос
с нами!*

Среди экспонатов музея – шахматы Че. Говорят, он очень любил эту игру. На Кубе вообще к шахматам отношение особое. В первый же вечер в Гаване довелось несколько раз в центре города видеть, видимо, привычную для местных сценку: прямо на тротуаре или чуть поодаль игроки за шахматной доской, а вокруг обязательно – кучка болельщиков. Что говорить, Хосе Рауль Капабланка, один из первых чемпионов мира по шахматам, – тоже один из фирменных знаков Кубы. А еще, как нам рассказали, шахматы здесь входят в школьную программу.

Что же касается Че, то после Санта-Клары кроме острого чувства сожаления, что снимки, сделанные в легендарные для Кубы дни партизанской войны, мы еще долго не увидим, остались стихи – и про Че Гевару, и про все их славное племя последних революционеров XX века – романтиков и идеалистов. Красавцев, авантюристов.

*Если безумство поет в крови,
Фортели вытанцовывает,
Как эту пляску остановить?
Да стоит ли, стоит ли?..*

Главные кубинцы

Главные кубинцы... Нет-нет, совсем не те, что вы подумали – не братья Кастро, и даже не Хосе Марти, бюст которого рядом с флагом Кубы по-ленински навязчиво встречает вас на острове Свободы едва ли не у каждого госучреждения. И не Че Гевара, которого кубинцы, конечно, любят, помнят, относятся с величайшим почтением, и все же – не он.

Все гораздо проще и, как мне кажется, правильной. И, к слову, бросается в глаза – сразу, с первых дней. Главные жители этого сказочного острова на берегу Атлантического океана – дети. Для начала, их на Кубе очень много – четверо-пятеро в одной семье – норма. Правда, раньше, говорят, было больше (восемь-десять, а то и дюжина), но и поныне с рождаемостью тут полный порядок. Впрочем, главное, конечно, не количество детей, а отношение к ним. Я вот написал, что Куба – рай. Так вот, в первую очередь это касается маленьких кубинцев.

Они здесь на особом положении – в очень ясно, физически ощутимом облаке любви и внимания. Первое же утро в Гаване – раннее, едва рассвело, и картинка, которую мы увидели из окна: по улочке, что тянулась вдоль нашего отеля чуть дальше, к школе, – родители с детишками. Уже сравнительно взрослыми – с красными пионерскими галстуками, то есть ребятам лет по десять-двенадцать. А папы и мамы ведут их в школу! Обязательно за руку, словно это особенно для них важно – знать, что ребенок рядом, под боком и ничего с ним не случится. Думаю, для мальчика или девочки – это не менее важно. Это ж здорово – с папой-мамой – за руку! Гордость, радость, счастье.

С удовольствием наблюдал, как общались с детьми кубинцы, что жили рядом с нами в курортной гостинице, на Варадеро. Кубинцы обычно приезжали туда на выходные: пустынный в обычные дни отель тут же наполнялся ребячьим гвалтом и суетой. Довелось наблюдать отца четырех ребят, который приехал с ними один, без жены. И нисколько этим не тяготился – всюду таскал с собой, опекал всячески – с любовью и нежностью удивительной. При этом – тут же, рядом с бассейном и баром, умудрялся конспектировать какой-то учебник.

Так вот, два младших ребятенка, лет шести-семи, как-то отправились самостоятельно к стойке бара и там забрались животами на ее диагональный скос: лежат себе, ножками болтают, что-то весело и громко плетут по-испански – в общем, наслаждаются жизнью. Как, думаете,отреагиро-

вал на это бармен – крепкий, высоченный негр, статью напомнивший знаменитого кубинского боксера Теофило Стивенсона? Он и глазом не повел, слова не сказал. Лишь, чуть улыбаясь, следил с высоты своего боксерского роста, и не столько за бутылками и бокалами, что во множестве стояли сантиметрах в тридцати от расшавшихся детишек, а чтобы с ребятками ничего не случилось.

Потом уж отец оторвался от своих конспектов, подошел, аккуратно снял сына и дочку с барной стойки, поставил на пол рядом с собой и негромко сказал им, в чем они были не правы и почему так делать не надо.

Ни разу за две недели на Кубе я не слышал, чтобы на ребенка повышали голос. И всюду местным ребятам находилось место рядом со взрослыми. Даже во время полуночных шумных празднований (с ромом и без оного), песен и плясок. А уж в океан, конечно, все вместе.

Местные пионеры – они на Кубе существуют и поныне. Вся советская система школьного воспитания подрастающего поколения здесь живет и побеждает: октябрята – с синими галстуками, пионеры – с красными, комсомольцы – со значками Че Гевары на груди.

Если Кастро уйдут, это – смерть?

За счет чего живет сегодня Куба? Ощущение, что страна застыла на пороге больших перемен, на переходе, где-то в районе девяностых. Да, есть экспорт рома, сигар и – гораздо меньше, чем прежде – сахарного тростника. Мелкий частный бизнес уже в ходу, зарабатывать куплей-продажей можно и вполне легально. На центральном рынке Гаваны разговорились с бывшим инженером-химиком. Учился в Москве, специалист по никелю, ныне – торговец изделиями из кожи.

– Здесь я зарабатываю примерно тысячу долларов в месяц. В разы больше, чем если бы работал по специальности...

Туризм, опять же, который сейчас на острове Свободы идет в рост, пусть пока и не столь активно, как хотелось бы местным. На Варадеро туристы в основном из России и Канады, реже – итальянцы, поляки, немцы. Пока – без США. Понятно, что за недавними главными врагами самой южной страны победившего социализма – будущее. От Штатов до главного кубинского курорта, замечу, 180 километров. Ничто. И деньги, что придут сюда с американцами, не чета нашим. А потому в разговорах с кубинцами, связанными с туристи-

ческим бизнесом, эта нота звучала непрестанно – нота ожидания: вот разрешат американцам к нам приезжать, и – начнется другая жизнь. Все – на мотив «вот приедет барин...». Есть мнение, что такой поворот может произойти совсем скоро, едва ли не в ближайшие год-два.

Не знаю, не знаю. Думаю, при Кастро такое вряд ли возможно. Только когда высокопоставленные братья уйдут. В целом, это, конечно, очень серьезный вопрос – какой будет Куба после знаменитых барбудос. Некоторые специалисты-политологи считают, что легендарный остров в эту пору ждет крайняя нестабильность, смута. Может, мол, и гражданская война начаться, и иные невеселые прелести эпохи перемен.

Опять же, не знаю. Хотя, глядя на кубинцев, не очень веришь в подобный сценарий. Слишком уж беззаботны и ленивы. Просто запариваться не станут.

Социализм, как бы мы ни относились к марксизму-ленинизму, – это, может быть, и бедность, но – стабильность. Все необходимое для жизни он обеспечивает. Так было и у нас, так по сей день живет Куба. Бесплатная, одна из лучших в мире система здравоохранения. Ни песо не платят кубинцы и за образование. За отопление опять же платить не надо – им бы сделать так, чтобы в домах не столь жарко было, какое уж там отопление. Необходимый минимум продуктов тоже имеется, почти бесплатно – по талонам.

То, что без Кастро страна станет иной, безусловно. Без вариантов. А не хотелось бы, не хотелось. Не хотелось бы, чтобы дух наживы и безудержной конкуренции проник на эти вольные улицы, стал главным фактором успеха, основным критерием счастья, внес разлад и сумятицу в нищий, но такой теплый и радостный кубинский мир.

*Если завтра на Кубу придет
Хохоча, этот рай подытожив,
Хрустом долларов,*

*звоном монет
Беззастенчиво души корежа,
Желтый дьявол,
нежданный как снег.*

*Что – потом? Что же, что же?
Мы теперь – на другой стороне,
Мы ничем уже не поможем.
По-бухгалтерски четко, без бед
Просто купят –*

*без колец-патронов,
Без сражений и громких побед,
Сьерр-Маэстро
и Плайя-Хионов.*

Что там дальше –
 другая страна?
 Мрак бордельный,
 дворцы и помойки,
 Холод-голод, война да сума,
 Как у нас опосля перестройки?
 Куба, Куба моя, ты ответь
 Без докучливых пересудов:
 Если Кастро уйдут –
 это смерть?
 Есть ли жизнь,
 есть ли жизнь без барбудос?

«А лучшая все же Россия...»

— Ну что вот ты мне говоришь: «Куба, Куба?..» Хватит. Домой хочу! – так говорил мне Саша, полицейский подполковник из Питера. И уточнил, мечтательно шурясь: – Черного хлеба хочу. Соленых огурчиков. И – водочки нашей... Хотя бы сто граммов. Для начала. И – никакого рома! Ни-ни!

И то сказать, Саша прожил на Варадеро месяц (к слову, не в первый раз), знал там все улочки-закоулки, все значные и светские места, лавки и рестораны, всех местных путан и тощих до невероятия курортных шавок. Мы, в общем, и без него отчетливо понимали, месяц за тысячи верст от родной земли, пусть такой холодной и суровой, как наша, северная, все-таки многовато. Даже в раю.

И тут, если по большому счету, даже не в сроках дело. Куба – хороша. Притягательна. Волшебна.

Рай есть рай. Все так – без оговорок и изъятий. Но дома-то все равно лучше. Какими бы чудесами ни привораживало «прекрасное далеко». Именно об этом мой «Наш человек в Гаване»:

Кубинского неба
 бездонный мираж,
 Под небом – какой-нибудь Саня.
 Какой-какой? Да, конечно, наш!
 Наш человек в Гаване...
 ...Как странно
 вдали от родимой земли
 Дышать и любить очумело,
 На волнах качаться
 в прибрежной мели,
 На белом песке Варадеро.
 Нырять в Атлантический
 океан
 И вдруг осознать –
 остро, сильно,
 Что много на свете
 диких стран,
 Но лучшая все же Россия.

Фото автора и Сергея ЮДКОВА

Дмитрий КОРЖОВ –

поэт, прозаик, литературный критик.

Родился в 1971 году в Перми.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Член Союза писателей России.

Стихи и проза публиковались в альманахе «Братина» (Москва),

в журналах «Север», «Московский вестник»,

«Роман-газета XXI век», «Аврора»,

«Десна» (Брянск), «Странник» (Саранск).

Автор пяти книг стихотворений.

Участник 5-го форума молодых писателей России

в подмосковных Липках.

Живет и работает в Мурманске.

